

М.М. Гиршман

«Парус»

Пейзажно-символическое стихотворение Лермонтова «Парус» (1832) можно рассматривать как своего рода предельное выражение романтического мироощущения (и поэтики) Лермонтова; вместе с тем в нем содержится попытка переосмыслить с романтическим максимализмом поставленные в ранней лирике темы одиночества и свободы, неприятия жизни. (Ощущением начала нового этапа духовной биографии героя отмечены и такие стихотворения 1832, как «Поцелуями прежде считал...», «Как в ночь звезды падушей пламень...».) Стремление к более объективному изображению внутреннего «Я», неоднозначность отношения к романтическому самоутверждению, к мысли о самодостаточности чистого порыва к абсолютной свободе побуждают Лермонтова отказаться в «Парусе» от привычной для него формы прямого лирического монолога (ср. стихотворения «Желание», поэму «Моряк» и др.). Парус — не безусловное alter ego поэта. Композиция стихотворения четко поддерживает дистанцию между субъектом и объектом изображения, давая в первых двух строках каждой строфы меняющуюся картину моря и паруса в нем, а в двух последних — реакцию поэта, который и пытается разгадать тайну судьбы паруса, и сочувствует ему, и оценивает выбранный им путь. Первая картина, для усиления эмоционального звучания которой Лермонтов заменил собственную строку («Белеет парус удаленный») строкой из стихотворения Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский», сопровождается словами, усиливающими «пространственное» одиночество паруса, мыслью о его «скитальческом», «промежуточном положении»: «Что ищет он в стране далекой? / Что кинул он в краю родном?» При этом уже в первой строфе поэт выявляет свое глубоко личностное переживание высокой, трагически напряженной судьбы паруса. Изображенная во второй строфе буря («Играют волны, ветер свищет») не приносит парусу избавления от неудовлетворенности существованием. В черновике Лермонтов прямо утверждал беспечность его странствий: «Увы! он ничего не ищет...». В окончательном тексте отмечается лишь, что парус не ищет счастья — ибо как нет его в гармоничной умиротворенности стихии, так нет его и в буре. Поэт отвергает порядок слов чернового варианта: «Струя под ним светлей лазури». Акцентирование в начале строк пространственных предлогов (под ним — над ним) усиливает ощущение всеохватывающей красоты мира. Но парус отвергает и этот «соблазн», он ни в чем не может обрести успокоение, установить равновесие между своим «мятежным» внутренним миром и миром внешним. Последняя строка — «как будто в буре есть покой» — обнажает парадоксальность этого стремления (ср. строки, появившиеся еще в ранних редакциях «Демона», создававшихся одновременно с «Парусом»: «Я шумно мчался в облаках, / чтобы в толпе стихий мятежной / Сердечный ропот заглушить»). В финале стихотворения драматически сталкиваются романтический вызов миру (воплощенный в образе паруса, с которым поэт чувствует свою неразрывную сращенность) и того нового «Я» поэта, о рождении которого он говорит в письмах 1832–1834 (прежде всего, в наиболее исповедальных среди них — к М.А. Лопухиной, в письмо которой от 2 сентября 1832 включен «Парус»). Здесь зафиксирован мучительный анализ духовных борений, вызванных разрывом уз, соединяющих поэта с прошлым: «...я и не чувствую и не говорю, как прежде...»; «...увы, пора моих грез миновала; нет уже и поры, когда была вера». Но, отмечая «холодную иронию», которая «неудержимо проскальзывает» в него, Лермонтов признается, что хотел бы сохранить в себе частицу «пламенной и молодой души». В «Парусе» выявлен кризис романтического индивидуализма, открыта трагедия вечного несогласия. Драматизм коллизии заключается в том, что новое «Я» поэта рассматривает его бывшее «Я» не как *преодоленное*, а как *потерянное*.

Для стихотворения характерна резко подчеркнутая система повторов-контрастов, одновременных отождествлений и противопоставлений, их принципиальная смысловая однозначность, между которыми находится и от которых равно отталкивается субъект лирического высказывания. В двустишии: «Увы! Он счастья не ищет / И не от счастья бежит» — усиленный пиррихием акцент и двукратный повтор безусловно выделяют слово «счастье» как одно из центральных, ценностно значимых понятий в стихотворении. Столь же несомненен двойной акцент в конце строк на глаголах движения, которое неопределимо ни как стремление к счастью, ни как бегство от него; счастье для Лермонтова, по-видимому, неопределимо через какую-то вне его находящуюся и конкретно достижимую цель.

«Буря» и «покой», «далекая страна» и «родной край», движение к чему-то и от чего-то, обретения и потери — вот неполный перечень антиномий «Паруса» — «половинок» навсегда потерянного гармоничного целого. Причем акцент в стихотворении оказывается не на объективных противоречиях человеческого бытия и сознания, созерцаемых человеком, а на самой невозможности их субъективного преодоления, на неискоренимом стремлении достичь недостижимое при столь же неуклонном отказе от всего достигнутого и достигаемого, на той стихии *мятежности* — жажде бури, которая объективируется в строе лермонтовского стихотворения. Многими поколениями русских читателей «Парус» воспринимался как выражение свободолобивых, революционных настроений. С музыкой А.Е. Варламова он стал народной песней.